

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П29

Alice Peterson
ONE STEP CLOSER TO YOU

© 2014 Alice Peterson

Перевод с английского *И. Гиляровой*
Художественное оформление *Е. Ененко*

Петерсон, Элис.

П29 Лишь шаг до тебя : [роман] / Элис Петерсон ; [пер. с англ. И. Гиляровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон).

ISBN 978-5-699-91193-6

Алкогольная зависимость, муж, который постоянно распускает руки, страх за жизнь маленького сына — все это пришлось пережить Полли за годы семейной жизни. Но теперь она полна решимости двигаться дальше. Ради сына Полли находит в себе силы, чтобы навсегда порвать с прошлым и начать новую жизнь. Все, чего она хочет, это снова стать счастливой. Но неожиданно на ее пути появляется бывший муж...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гилярова И.,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91193-6

2010

— Полли, скажите, когда вы чувствовали себя счастливой?

Стефани, психолог-консультант, задала мне этот вопрос в конце наших занятий. Я хожу к ней полгода. Она сидит напротив меня — «паркер» в изящной руке, прямые каштановые волосы, бледное веснушчатое лицо.

— Счастливой? — переспрашиваю я, словно не понимаю, о чем речь.

— Да-да. Ощущение счастья иногда возникает в самые неожиданные моменты. Оно необязательно зависит от чего-то конкретного.

Я пью воду и думаю над ответом.

— Мне нравилось, когда в детстве папа брал нас с Хьюго на озеро... — Хьюго — мой младший брат. — Мы бывали там каждое воскресенье. Это было замечательно. — Я снова задумалась. — Ну и в школе мне тоже было... нормально, когда все шло гладко.

Стефани ждет продолжения, на ее бесстрастном лице не отражается ничего. Она часто копается в моей душе, напрасно надеясь, что из глубин моей психики всплывет что-нибудь интересненькое.

— Какой трудный вопрос, — бормочу я. Счастье, покой — все это для меня абстрактные вещи, в своей жизни я с ними не сталкивалась. Зато мне всегда так хотелось восторгов, а острые ощущения заставляли меня прямо-таки летать.

— Не торопитесь, подумайте, — говорит Стефани; на ее письменном столе тикают часы.

Многие бы сказали, что испытывали наивысшее счастье, когда влюблялись или когда у них рождались здоровые дети. У меня тоже год назад родился сын, Луи, но с его отцом, Мэтью, мы расстались. Я вспоминаю, как познакомилась с Мэтгом. Была ли я с ним счастлива? Теперь, оглядываясь назад, могу уверенно сказать — нет, не была. Но мой пульс бешено учащался при виде его, особенно в первые месяцы. Я до сих пор помню его пронзительный взгляд, устремившийся на меня из-за барной стойки в тот первый вечер, когда мы положили глаз друг на друга. У него был особенный дар — при нем я не замечала ничего вокруг. Мы танцевали, прижимаясь друг к другу разгоряченными телами. Потом сидели в обнимку в такси по пути ко мне домой. Глаза Мэтта блестели, его рука лезла мне под юбку. Меня до сих пор бьет дрожь, когда я вспоминаю ту его улыбку — моего повелителя, мачо. Поначалу его внимание зачаровывало, льстило. Да и какая женщина устояла бы против такого мужчины? Я ерзаю на стуле, стремясь прогнать его из своих воспоминаний. Трудно, нет слов. Я до сих пор оглядываюсь, когда иду по улице; его лицо постоянно мерещится мне в толпе прохожих...

Нет-нет, вернись к вопросу, Полли. Когда я чувствовала себя наиболее счастливой?

— Когда у меня родился Луи. — Я лгу, потому что больше ничего не могу придумать. Говоря по правде, рождение сына и первый год были совсем не тем, о чем я мечтала. Интересно, что чувствуют другие мамы. Я ни секунды не жалею, что родила его, но что подумает обо мне Стефани, если я признаюсь ей, что однажды едва не оставила его в парке? Беспомощного, незащитного кроху. Чтобы не заплакать, я закрываю глаза.

— Полли? — говорит Стефани. — Не волнуйтесь, мы...

Я останавливаю ее жестом руки. Я вижу себя девочкой на кухне нашего дома в Норфолке. На мне фартук с розочками и такой же колпак. Я сыплю в тесто изюм и перемешиваю деревянной ложкой маслянистую пышную массу. Когда мама не смотрит, я макаю в кастрюлю палец. Вкусно-то как! Просто божественно! Не удержавшись, я опять лезу пальцем в сладкое месиво.

— Полли, так вообще не останется теста, — одергивает меня мама, подкрадывается ко мне и тоже макает палец в тесто. Мы весело смеемся. Мама смеется редко, и всякий раз для меня это как дорогой подарок. Я любила готовить вместе с ней, потому что мы были вдвоем, без Хьюго, без папы, только мама и я. Потом мы ложками выкладывали тесто на противень. Мама ставила таймер, но я все равно беспрестанно заглядывала сквозь стеклянную дверцу — бисквиты приподнимались, а края их постепенно окрашивались в восхитительный золотисто-бурый цвет.

— Когда я пекла бисквиты, — бормочу я, все еще мысленно в фартуке с розочками, рядом с мамой.

— Пекли? Вы про вашу работу?

После разрыва с Мэттом я работаю в кафе в Белсайз-Парк — пеку пирожки и подаю там же супы посетителям.

Я качаю головой.

— Нет. С мамой, когда я была маленькая.

Особенно мне запомнились недели перед Рождеством, когда мы лепили с ней пирожки под рождественские гимны по радио. Мама мурлыкала — «Однажды в городе царя Давида», смазывая жиром противень. Я с наслаждением вдыхала уютный запах гвоздики, тертого мускатного ореха и корицы и старательно выдавливала из теста серебряной формочкой звезды, чтобы потом надеть на пирожки шапочки. Шапочки — так мы с мамой их называли.

— Я жалею, что не провела все свое детство на кухне, — сказала я Стефани. — Мама никогда не хмурилась и не волновалась; я забывала про свое озорство. Пожалуй, я поэтому и люблю свою нынешнюю работу; она напоминает мне о тех временах. — Я снова пью воду. — Мне нравилось готовиться к Рождеству, заворачивать подарки и наряжать вместе с Хьюго елку. Все было так замечательно... до поры до времени...

Стефани глядит на меня так, словно хочет сказать: подготовка к празднику часто бывает увлекательнее, чем сам праздник.

— Мне вспоминается один год... В то время я уже начала подозревать, что в нашем доме все обстоит не так благополучно, как кажется. В самом деле, там царил сплошной ложь... — Я остановилась и посмотрела на таймер. Сеанс закончился.

— Полли, я хочу еще вас послушать. Время нам позволяет, — говорит Стефани, игнорируя тиканье.

1989

Меня зовут Полли, мне скоро девять. Канун Рождества, мы с мамой перерываем мой гардероб.

— Прямо не знаю, Полли, как ты обращаешься со своей одеждой! — досадует мама. Она ищет мое красное бархатное платье. Я-то прекрасно знаю, где оно — у меня под кроватью, порванное и в засохшей глине.

В результате решено, что я надену на семейный праздник юбку с серебристыми звездами. Мама уходит из моей спальни, а я с облегчением вздыхаю и тихонько закрываю дверь. Сажусь на корточки возле кровати и вытаскиваю платье. Я совсем про него забыла. В последний день триместра в нашей школе разрешалось приходиться на занятия не в форме, и я надела это платье. А потом подралась с девчонкой из моего класса на спортивной площадке возле девчачьего туалета. Эта самая Имоджен передразнивала моего младшего брата Хьюго, называла его циклопом, потому что он слепой. С ней были две подружки. Хохоча, они кривили рожи и щурились, как это делает Хьюго. Я бросилась на Имоджен, как пантера, и через мгновение мы уже катались в грязи и колошматили друг друга под одобрительные крики ребят. Потом я услышала треск материи, это рвалось на мне платье. Чья-то рука пыталась меня поднять. Это была Джейни, моя лучшая подруга. Она умоляла меня не влипать в новые неприятности.

— Между прочим, Циклоп — супергерой, — бросила она Имоджен, — а у Хьюго два глаза, а не один. Тупица!

Я надела юбку и блузку, соображая, как мне тайком от мамы постирать и зашить платье.

За дверью слышатся шаги, приближающиеся к моей комнате. Я поскорее запихиваю платье под кровать. В дверь заглядывает Хьюго. Он сильно младше меня, но в росте не подкачал.

— Ты идешь? — спрашивает он. На нем бордовая жилетка, аккуратные брюки; папа начистил ему ботинки.

Я берусь за его мягкую руку, и мы вместе спускаемся вниз. Мама с папой объяснили мне, почему у моего брата плохое зрение. После рождения он не мог дышать, и его положили под аппарат искусственной вентиляции легких. Доктор сказал, что его палочки и колбочки были убиты во время рождения.

— Колбочки? — переспрашиваю я папу. — Какие они?

— Конические, как мороженое, — отвечает он. Я представляю себе мороженое с шоколадной стружкой, которое продается у мистера Уиппи, и у меня текут слюнки.

Папа пытается что-то мне объяснить.

— У Хьюго, ну... как бы сказать? Это как повреждение электропроводки. Иногда при рождении такое бывает. Но это не значит, что мы не любим его таким, какой он есть.

— А я как родилась? Легко?

Последовала долгая пауза. Кажется, он так и не ответил. Вероятно, просто думал о палочках и колбочках в глазах Хьюго.

Мы с Хьюго спустились почти до самого низа лестницы.

— Ступенек больше нет, — говорю я ему. Он делает шаг, и я подхватываю его, не давая упасть.

— Не смешно, Полли! — обиженно ворчит он, но мы тут же хихикаем, потому что наступает Рождество и времени до подарков остается совсем немного.

Бабушка Сью и дедушка Артур, мамины родители, всегда приезжают к нам в канун Рождества. Они живут в Девоне, на берегу моря. Приходит и папина сестра Лин. Она вдова, живет одна в Лондоне. Сегодня вечером мама впервые разрешила мне сидеть за взрослым столом и не ложиться спать до девяти часов. Обычно нас с Хьюго укладывают в постель еще до того, как взрослые сядут ужинать.

У двери звенит колокольчик, три раза. Должно быть, дед.

— Ну вот, мы приехали, теперь можно и начинать! — грохочет дедушка, когда я открываю дверь и обхватываю его руками. По случаю праздника он надел синий в крапинку галстук; от него пахнет кофем и одеколоном после бритья. Мимо нас протискивается бабушка Сью. На ней длинное элегантное пальто, сапоги на высоких каблуках. Губы накрашены яркой помадой. Бабушка Сью когда-то была неотразимой блондинкой, я видела ее фотки, где она молодая. Папа считает, что она и сейчас красивая. Она была профессиональным поваром. У нее знаменитые руки — одно время они нарезали индейку на рекламе какой-то торговой сети. Еще папа говорит, что дед Артур и бабушка Сью были когда-то красивой парой и что многие им подражали.

Мы с Хьюго идем за дедом в гостиную, не сводя глаз с висящей у него на плече раздутой сумки. Дед глядит на мерцающие огоньки нашей елки и на сложенные под ней подарки.

— Это все для меня! — грохочет он, снимает куртку и заявляет, что нет ничего лучше настоящего огня от горящих поленьев. Под моим зачарованным взглядом он садится и достает из сумки пару бутылок. Подмигивает мне: — Тебе, Полли, никаких подарков! Я слышал, что ты в этом году сильно озорничала.

Он гогочет и вручает мне маленькую коробочку, обернутую в серебристую бумагу. Я тут же трясу ее, пытаясь угадать, что в ней, и добавляю к своей горке подарков под елкой.

Мама права. Дед не умеет говорить нормально: он кричит. Он не может смеяться: он гогочет. Он не может позвонить в дверь один раз: всегда звонит трижды. Мне кажется, он гигантский солнечный луч, появляющийся на нашем пороге.

Потом приезжает тетя Лин, и дед едва не сплюсчивает ее в объятиях. На ней красное платье в мелкий горошек и ее знаменитые бежевые колготки. Поскольку у нее траур, она почти не смеется, даже на Рождество.

Вскоре мы все собираемся в гостиной и болтаем о том о сем, в том числе и о школе. Я рассказываю тете Лин про рождественскую постановку, в которой участвовала, но тут, к моей досаде, меня перебивает мама:

— Хьюго тоже чудесно спел. Соло. Он играл Безумного Шляпника из «Алисы в Стране Чудес».

— Может быть, поставим какую-нибудь музыку — для праздничного настроения? — предлагает дед. Я уныло бреду за ним в коридор, где на полке стоит наш музыкальный автомат, заваленный компакт-дисками. Помогаю деду отыскать подходящую музыку, и вскоре мое праздничное настроение возвращается. Он кружит меня по комнате под «Огненное кольцо» Джонни Кэша. Хьюго танцует с мамой и время от времени трясет руками, изображая игру на гитаре. Отец щелкает камерой.

— Давай, Линни, потанцуй, ведь Рождество! Не сиди у стенки!

— Лучше не надо, — говорит она, зябко пожимая плечами. Иногда мне кажется, что она боится деда. Только не понимаю почему, он же такой веселый.

Я сижу за столом рядом с бабушкой Сью напротив деда Артура. Папа зажигает свечи, а бабушка Сью восхищается нашим столом — мы с мамой украсили его днем, уже после того, как налепили пирожки под рождественские гимны. Папа и Хьюго смотрели по телику «Удивительную жизнь», а мы с мамой открывали коробки и доставали из них чудесные стеклянные подсвечники, золотые свечи, плющ, ягоды и ленточки, а еще нашу праздничную скатерть с красными звездочками и такие же салфетки. Золотым маркером я писала на карточках имена гостей. Мама купила хлопушки, но мы решили приберечь их до завтрашнего дня.

Мама ставит на стол горяченный рыбный пирог и говорит о завтрашнем посещении церкви.

— Вот только трудно совместить это с индейкой, — сетует она, наморщив лоб. — Что если оста-

вить ее на вечер? Но тогда дети уже устанут. — Мама всегда из-за чего-нибудь беспокоится. Дед Артур часто шутит, что она будет беспокоиться и суетиться, даже лежа в могиле.

Я замечаю, что она смотрит на деда, сливающего остатки вина в свой бокал.

— Зачем мы едим каждый год индейку? От нее пучит живот, — говорит он и подмигивает мне. Я хихикаю, а он добавляет себе вина из новой бутылки и пытается налить тете Лин. — То же самое касается и вонючей брюссельской капусты!

Тетя Лин, надув губы, накрывает свой бокал ладонью.

Дед хмурится.

— Ой, ладно тебе, Линни, ведь Рождество! Напейся разок!

— Па! — одергивает его мама, а мне все происходящее кажется очень смешным.

— Я за рулем, — отвечает она, не поднимая на него глаз.

Наступает странная тишина. Мамино лицо краснеет.

— Между прочим, рыбный пирог божественно вкусный. — Папа поднимает бокал. — Трижды ура повару!

— Только осторожнее, могут попадаться косточки, — тревожится и предупреждает мама.

— Уймись, — бормочет деду бабушка Сью.

Мне жалко деда. Вечно его ругают!

— Я очень и очень горжусь нашей семьей, — со слезами на глазах говорит дед за пудингом. — У нас бывали трудные времена, но Хьюго — наша надеж-

да. У этого мальчишки... — дед тяжело вздыхает, — вся жизнь впереди, и она будет непростая. — Он грозит пальцем. — Но наш малыш сильный и... ну... Я вижу замечательные вещи... — Дед сбивается и для храбрости делает глоток вина. — Он с характером. — Дед икает. — Понимаете, за стенами дома начинается большой и суровый мир, но он храбрый мальчишка. Еще у нас есть красавица Полли. Парни будут кушать из твоих рук, клянусь, будут кружиться вокруг тебя будто пчелы вокруг горшка с медом.

Я не очень понимаю, что имеет в виду дед, и в смущении кручу ложку.

— Полли, перед тобой счастливое будущее... ах, дорогие мои, если бы я мог прожить свою жизнь сначала...

— Что бы ты тогда сделал по-другому, Артур? — спрашивает мой папа.

— Ой... да все, правда, Сью? Женушка считает меня неудачником. — Он толкает ее локтем, и та неловко ему улыбается.

— Что ты выдумал? Ничего я не считаю, — возмущается бабушка Сью. — Когда это я говорила об этом?

— Тебе и не нужно говорить. — Он вытирает рот рукавом рубашки.

Папа говорил мне, что дед Артур в своей жизни толком никогда и нигде не работал. Он мгновенно терял работу, едва находил ее.

— Почему? — спросила я у него.

— Ну, объяснить это сложно, — ответил папа.

— Я точно неудачник, — говорит дед, гоняя по тарелке закуску, — и в этом только моя вина.